

“я никогда никого не продал, не предал”

умер Всеволод Абдулов

АНТОН ДОЛИН

На шестидесятом году жизни после продолжительной болезни скончался замечательный актер Всеволод Абдулов. Его ниша в отечественном кино и театре была уникальной — Абдулова чаще узнавали по голосу, чем в лицо.

Воспитанный в семье легендарного театрального актера Осипа Абдулова, соратник Высоцкого, человек шестидесятых, Всеволод Абдулов впервые превратился в «актера читающего» на знаменитом «Маяке», то есть на поэтических чтениях на площади Маяковского, у памятника. Тогда, будучи студентом Школы-студии МХАТ, Абдулов читал стихи запрещенных и полузапрещенных: от Цветаевой и Гумилева до Пастернака и Самойлова. Абдулов — тот, кому удалось сделать звание актера-чтеца, актера закадрового голоса поистине почетным. Он превратил озвучивание в искусство.

Нельзя сказать, что Абдулов не везло на сцене или на экране: список его ролей не огромен, но все же выглядит внушительно. Чего стоят только работы в картинах особенно неравнодушного к дарованию актера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя», «Контрабанда», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна». Памятен зрителям и дебют Абдулова в фильме «Цирк зажигает огни», и роли в телевизионных картинах по новеллам Брета Гарта и О'Генри, и, наконец, сравнительно недавняя «Азбука любви».

Однако в первую очередь Всеволод Абдулов — это голос. Десятки лучших детских пластинок, со временем превратившихся в компакт-диски и кассеты, хранят его звуки. Абдулов — не характерный персонаж, а идеальный Автор, текст «от которого» он, как правило, читал. Так Абдулову довелось побывать многими — от Льюиса Кэрролла (ведь именно он инициировал запись знаменитого мюзикла об Алисе Владимиром Высоцким) до Михаила Булгакова. В последние годы Абдулов читал со сцены воспоминания Сергея Образцова в мемориальном спектакле Театра кукол «Великий пересмешник», озвучивал всякую всячину — от компьютерных игр до голливудских блокбастеров, в числе которых был «Властелин колец».

Случай Всеволода Абдулова — редкий. Голос этого уникального актера несколько поколений подряд впитывали с детства и запомнили на долгие годы вперед. Память слуха выигрывает у памяти зрительной, она остается с человеком надолго. Так на годы

со многими из нас остался Рассказчик, обретший, как по волшебству, один неизменный голос. Это голос Абдулова.

Всеволод Абдулов:

«не страшно —

весело все это было»

«Как я попал на площадь Маяковского, совершенно не помню. Иду, смотрю: стихи читают — остановился... А может, прошел какой-то слух, что на площади собирается молодежь, но, так или иначе, я стал ходить туда достаточно регулярно, вместе со своим одноклассником Сережей Гражданкиным.

В хорошие дни вся площадь была заполнена народом. Кто хотел — выходил к постаменту, читал стихи. Свои или чужие. Я старался читать то, что не напечатано, что мало знали... Другие читали Маяковского, еще кого-то. Галансков, Ковшин — свое. Я с ними и с другими ребятами, которые постоянно были на площади, быстро познакомился. Нас то и дело хватали, арестовывали, сажали на пятнадцать суток. Ну и что? Хватают — значит бояться, значит слабы, ничтожны. Не страшно — весело все это было. Мы были молоды, мы были сильны, мы люббили жизнь, и, главное, мы верили: «Наше дело правое — мы победим». Замечательное было время!

Поначалу все шло как-то нормально. Подходит кто-нибудь в форме или не в форме, предъявляет какой-нибудь документ. Либо дружина, либо милиция, но не КГБ. «Давай-ка пройдем» — «Пройдем так пройдем». Обычно нас отводили в отделение милиции при метро (была там маленькая комнатка). Я лично никогда не сопротивлялся, любил с ними пройти.

Помню, однажды на «Маяке» был какой-то невероятный аншлаг: вся площадь запружена народом, и — против обыкновения — читают со всех четырех углов. Я тоже что-то прочел. Ко мне подходят: «Пройдемте!» Не потому, что я прочел что-то особенно крамольное, а просто так: пришла пора и меня взять. Привели меня в комнату милиции в метро. Сидят какие-то явные кагэбшники. «Почему вы на площади читаете? Почитайте что-нибудь нам». Я стал им читать. Как раз в этот момент втащили каких-то пьяных и начали их избивать ногами, а я на этом фоне с пафосом читал: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» Не знаю, что было бы дальше, но тут какой-то человек на площади выскочил на постамент: «Сейчас здесь мальчик в лыжной ша-

почке читал, его забрали» — и вся толпа рванулась меня освобождать... Вообще мы очень внимательно следили друг за другом и, чуть что, бросались на помощь. Создавали неразбериху, пытались вырвать...

Вначале власти не позволяли себе беспредела: избить, да еще при свидетелях — в 60-м году такое было еще невозможно.

Нас вызывали в горком комсомола, да и в комнате милиции с нами часто вполне доброжелательно беседовали какие-то люди не в милицейской форме (может быть, это тоже были горкомовцы — не знаю). Говорили, что наши чтения мешают уличному движению, собирается толпа, бывает и воровство — нехорошо все это. Москва все-таки, дескать, город-герой. Предлагали нам какой-то клуб — возьмитесь, отремонтируйте и, пожалуйста, соберитесь, читайте стихи. Лично мне эта идея не нравилась. Площадь тем и дорога, что сюда может прийти любой. Придет десять человек — хорошо, тысяча — еще лучше. А что клуб? Пропуска, зал на определенное количество мест — нам это было не нужно. Мы не считали, что делаем что-то плохое.

Даже и кагэбшники вначале старались играть в либералов. Однажды — редкий случай — привезли нас на Малую Лубянку, и один, помоложе, начал на нас дико орать. Я сказал: «Вы хотели с нами переговорить — мы готовы. Но, пока вы не уберете этого типа, никакого разговора не будет». И они ему сразу же: «Выйди!» А нам: «Не обращайтесь внимания, это сталинские пережиток...» Обругали его.

Были и очень смешные истории. Однажды прихожу на площадь — никого нет. Ну нет так нет. Пошел позвонить домой. Выхожу из будки, перед телефоном стоит один из начальников агаджановского отряда. (Мы их всех в лицо знали.) Надо сказать, что среди «агаджановцев» были вполне нормальные ребята, которым вовсе не хотелось торчать на площади и заниматься тем, чем они занимались, — им бы поскорее домой, к семье. Этот оказался как раз из таких, нормальных, никогда не хамил. «Ты куда звонишь?» — «Непорядок, — говорю, — никого нет на площади. Через полчаса будут». И забыл об этой шуточке. Но народ постепенно стал подходить, и через какое-то время собралась огромная толпа. Дружинники решили, что это я организовал, и, стало быть, я один из самых главных.

Постепенно власти распоясывались и нагнали все больше и больше. Однажды — меня при этом не было — всех силком посадили

в машины и выкинули за пятьдесят километров от Москвы. Стали исключать из институтов. И вот тут-то я порадовался, что я не комсомолец. Ведь как делалось? В первый день исключали из комсомола, на второй приходил полковник с военной кафедры и говорил: «Офицером Советской Армии человек, выгнанный из комсомола, быть не может». На третий — исключение из института.

...Я пытался привлечь к «Маяковке» внимание прессы. В чем, собственно, дело? Какие законы мы нарушаем? Помню, я по этому поводу прибежал в «Московский комсомолец». Разговор зашел о «Теркине на том свете». Они стали мне говорить: «Вы читаете это на площади, а это подделка, фальсификация, это не Твардовский написал»... Пользовались и запрещенными приемами.

Я, конечно, понимал: наши действия не нравятся дерьму, которого полно и в КГБ, и в ЦК, и всюду. Но мы все делаем правильно, и мы все равно доберемся до душ людей, только мы не должны совершать ничего противозаконного, не нарушать Уголовный кодекс.

...Я очень рано женился, и сразу же у нас родилась дочь. Я жил на даче-развалюхе и ночами часто сидел с ребенком, утром вставал, носил воду, брал пеленки и вез в Москву. Занимался в институте. У нас было много очень серьезных предметов. А стипендия двадцать два рубля, так что надо было еще и деньги зарабатывать — я почти не спал. Приезжаю на дачу измотанный, усталый — а там ночные сходы. (У меня тогда часто жили Буковский, Ковшин...) Революционеры обсуждают какие-то революционные проекты.

Однажды у меня был серьезный разговор с Володей Буковским, я сказал ему: «Я не революционер. Это не мой путь. Я не делаю подлостей, по мере сил помогаю хорошим людям. Я могу прийти на площадь, почитать мои любимые стихи, и мне плевать, что кто-то запретил их печатать. Но заниматься революционной деятельностью — это не мое призвание».

Я всегда говорил, что я противник террора, и не потому, что боюсь, а потому что история доказывает: ни к чему хорошему это не приводит... Да мне и не казалось, что кто-то из моих друзей и вправду способен «поднимать пистолеты».

Я не ожидал, что все кончится 70-й статьей. Я тогда еще был романтик, и даже после арестов жутко хотелось думать, что и это опять-таки рецидив прошлого... Но, конеч-

но, постепенно приходило понимание, что тучи сгущаются. Гайки закручивались все сильнее и сильнее, исчезали «оттепельные» иллюзии... Мне кажется, вначале и Владимир Константинович не думал, что все завертится еще более круто. Я, конечно, читал его воспоминания, они абсолютно верные, но у каждого была своя «Маяковка». Этим-то она и была хороша, поэтому, может быть, я так люблю это время. Для меня, несмотря ни на что, оно было радостным и веселым — жизнь, действие. И я очень любил людей, с которыми мне повезло познакомиться тогда.

...Я продолжал дружить с Вадиком Делоне, Володей Буковским. Несмотря на то что у нас с Володей жизнь складывалась одинаково только вначале, а потом он прошел всю свою Голгофу, я же худо-бедно прожил совсем другую жизнь, это не отдалило нас. В 1978 году мы встретились в Париже. Была очень хорошая, очень радостная встреча. Я мог честно смотреть ему в глаза — я никогда никого не продал, не предал. Встречались мы и позже, уже здесь, в России, и всегда как хорошие друзья. Кошка никогда не пробегала. Просто судьбы складывались по-разному.

Благодарим за предоставленные материалы общество «Мемориал»